Текст · 15 апреля 2019, 08:13
Дмитрий Швец,

Круг замкнулся. Инвалид из Ярославля, осужденная за избиение полицейского, стала потерпевшей по делу об избиении полицейскими

В Ярославле расследуется уголовное дело об избиении полицейскими инвалида 2-й группы Ирины Коньковой, которую они пытались доставить на допрос в качестве подозреваемой по делу об избиении полицейского. Дима Швец выяснил подробности этой нелепой закольцованной истории.

Скандал

Видеозапись разговора на лестничной клетке.

— Невского, семь, вызови, пожалуйста, скорую помощь. Гражданка, якобы ей плохо стало, — говорит полицейский в рацию.

— Она инвалид второй группы вообще-то, —- добавляет женский голос.

«Гражданка» — 57-летняя Ирина Конькова. После неудачной операции у нее развился парез мышц правой стороны тела. Тяжело дыша, она оседает на руки своей сводной сестры Татьяны Базаровой.

— Пусть стул ей принесут, посадят, — предлагает полицейский.

— Не пойду я никуда, Таня, не уноси! — срывающимся голосом протестует Конькова.

Женщину усаживают прямо на пол, полицейский докладывает по рации:

— Она всеми силами пытается воспрепятствовать исполнению постановления суда об обыске, в данный момент в дверном проеме имитирует какой-то приступ. Лежит, трясет конечностями...

Видео на YouTube

YouTube

20170914 114737

@dima shvets

https://www.youtube.com/watch?v=a5eZwYivv8g&feature=youtu.be

Конькова поднимает сведенную судорогой руку, сестра пытается ее успокоить. На площадке начинают собираться соседи, кто-то советует вызвать скорую, подложить подушку под голову; в полумраке слышится стон.

Следующий кадр.

— Они ничего не предъявили!

— Женщина, вы смотрите телевизор? У нас это самое лучшее основание для жалобы... <...> Сотрудник не представился, в развернутом виде удостоверение не показал! — увещевает собравшихся в подъезде жильцов следователь Туманов.

— Она и не хотела открывать! Он ее начал толкать!

Конькова лежит в дверном проеме уже без движения.

— Предъявлять через дверь, что ли? — недоумевают соседи.

— Через глазок, — находится Туманов и обращается к женщине в цветастом халате. — Уголовное дело по какой статье заведено, знаете? Вы знаете, кого защищаете?

— Убийство, что ли?

— О-о-о, да за убийство мы бы уже через окна влезли. За развратные действия к своей дочери!

По толпе пробегает возмущенный ропот: «С ума сошли!», «Ерунду городите!», «Ребенка здесь нет сколько времени», «Не святой он, но это ерунда уже».

— У вас выше вот на этаж, в этой квартире, там тоже хорошие жили? — беззлобно, но с явным подвохом спрашивает следователь.

— А сколько раз мы звонили в полицию? — парирует женщина в халате.

— Чего он сделал-то? — не сдается следователь.

— Знаем, убил! — бойко отвечает соседка. — 12 ударов нанес локтем руки. Я на суде была!

— Вот видите, как, — вздыхает следователь. — Убил, убил отца.

Конькова лежит и стонет; уже приехала скорая, «зрителей» просят разойтись — но полицейские и следователь отказываются. Врачи хотят перенести

больную внутрь квартиры, она мычит и дергает левой рукой, а когда к ней прикасаются — истошно кричит.

— Не надо «ууу»-то, как мы будем вас смотреть? Это же кощунственно, так смотреть, — сокрушается врач.

— Ир, если так будешь себя вести, я психушку вызову, — произносит женский голос.

Общими усилиями Конькову уносят в квартиру.

Потерпевший

Эта неприглядная сцена разыгралась в Ярославле 14 сентября 2017 года. Инвалид 2-й группы Ирина Конькова пришла в гости в квартиру, где живут ее сводные сестра Татьяна и братья — Евгений и Сергей. С обыском пришли как раз к Сергею.

Предысторию этого уголовного дела адвокат Коньковой Владимир Зубков излагает так:

«Бабушка с дедушкой есть со стороны жены Сергея, Натальи. У них конфликт многолетний, они не хотели, чтобы их дочка выходила за него замуж, всячески препятствовали. Там был целый ряд трагедий в семье Сергея. В 2016 году рождается у них второй ребенок, Дима, и в пять месяцев умирает — синдром внезапной детской смерти. <...> Бабушка с дедушкой думали — родители убили. Их забирают за убийство младенца, выясняется на экспертизе причина смерти. Чтобы не отвечать за их задержание, [полицейские] их оформляют по административке за пьянку и изымают в первый раз старшую дочь. Потом [родители] получают отказной

[материал о возбуждении уголовного дела], едут, забирают девочку. События потом развивались так: ребенок с горки катался в детском садике, со слов Сергея, и разбил губу. В детсаду посчитали, что мама побила дочь, второй раз изъяли ребенка по настоянию бабушки с дедушкой. Начался суд по ограничению родительских прав, психолог дала по проективному тесту заключение, что существуют сексуальные контакты [между отцом и дочерью]. Наталью, мать девочки, начали обвинять, что она якобы рукоприкладством в отношении дочери занималась, отца девочки обвиняли в педофилии. Нервишки не выдержали, у нас как — в бутылку лезут люди. У нее (Натальи — МЗ) отказали почки, она умерла. Соответственно, в суде все эти помои вылили, судья, недолго думая, вынесла ограничение в правах, а заодно — сообщение о совершенном преступлении. Вот на основании сообщения судьи Следственный комитет возбудил дело о педофилии».

Уголовное дело, возбужденное против Сергея по пункту «б» части 4 статьи 132 УК (насильственные действия сексуального характеры, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летия), в 2018 году было закрыто за отсутствием состава преступления, однако в сентябре 2017 года в рамках именно этого расследования в квартире произвели обыск.

О том, как, по ее версии, развивались события дальше, Конькова писала в многочисленных жалобах. Пожилая женщина настаивает, что в день обыска она была в гостях у родственников, собиралась посмотреть с ними семейные фотографии, но услышала стук в дверь и пошла открывать. На лестничной клетке стоял незнакомый рослый

мужчина, который сказал, что пришел к ее брату — позже выяснилось, что это был оперативник МВД Евгений Корегин. Ответив, что сейчас позовет Сергея, Конькова хотела притворить дверь, но Корегин принялся ее бить и отталкивать от входа в квартиру.

«Этот мужчина левой рукой наклонил мне голову и стал правой рукой бить по шее и голове. Я стала кричать, и прибежала сестра <...> Молодой человек стоял в дверях и ногой не давал закрыть дверь, никаких документов о том, что он сотрудник полиции, он не предъявлял, для чего ему нужно было попасть к моему брату Сергею, он не пояснял», — говорится в одной из жалоб Коньковой.

По ее утверждению, она позвонила в полицию, затем пришли другие силовики, кто-то объяснил хозяевам, что первый визитер — оперативник МВД, а после у Коньковой случился приступ, и она легла на пол. Следующие три часа, сказала инвалид «Медиазоне», она провела на полу: Сергея увели из квартиры, остальных родственников отвлек обыск, и ее некому было поднять.

После обыска Конькова направилась к медикам, в больнице у нее зафиксировали гематомы на предплечье. Заявление на полицейского она писать не стала: как объясняет адвокат Зубков — подумала, что и оперативник Корегин не станет на нее жаловаться.

Но он пожаловался, и в отношении Коньковой возбудили уголовное дело: ее заподозрили в применении насилия к представителю власти (статья 318 УК). Показания потерпевшего и его коллег сильно

отличаются от версии, которой придерживаются инвалид и ее родственники.

Корегин утверждал, что пришел в квартиру не один, а с оперативником Барышевым, экспертом Марковым и двумя понятыми. Открывшей дверь Коньковой он сразу представился полицейским, показал документы и стал зачитывать постановление суда, а женщина «начала выталкивать его от дверного проема, отталкивать от двери, потом ладонями обеих рук она не менее четырех раз нанесла ему толчковые удары в грудь, они были достаточно резкие и конкретные».

Когда приехавшие по вызову Коньковой полицейские сказали, что обыск проводится на законных основаниях, та все равно отказалась пустить силовиков в квартиру, а потом сказала, что ей плохо, и начала «демонстративно сползать на пол».

Впоследствии приехали медики и следователь Туманов, и силовики все же прошли в квартиру. Для этого им пришлось перешагивать через лежавшую в дверях Конькову.

«Когда Корегин начал перешагивать через Конькову, она увидела это и вцепилась двумя руками за его правую ногу — за штанину, ногтями оцарапала кожу на ноге. Он почувствовал физическую боль, убрал ногу и сказал подсудимой, что бы она прекратила противоправные действия в отношении него, сказал, что обыск проходит на законных основаниях, а она препятствует ему в этом. После чего он второй раз начал перешагивать, и подсудимая опять вцепилась ему в ту же ногу — штанину и оцарапала ее, он вновь

почувствовал физическую боль. <...> Родственники подсудимой схватили за руки подсудимую, чтобы она не мешала. Он стал проходить в квартиру вновь, но Конькова, лежа, уже своими двумя ногами — ступнями нанесла не менее пяти ударов по его обеим ногам. От чего он испытал физическую боль, но в квартиру все-таки зашел», — приводятся показания Корегина в обвинительном заключении.

Полицейский утверждал: инвалид била его в грудь обеими руками, в то время как защита настаивала, что из-за болезни Конькова физически не может поднять правую руку больше, чем на 45 градусов. Чтобы доказать правоту своей доверительницы, адвокат Зубков просил судью Дзержинского районного суда Александра Демьянова назначить судебно-медицинскую экспертизу и поставить перед специалистами вопрос — могла ли инвалид нанести удар, описанный в обвинении.

В сентябре 2018 года Демьянов в этом ходатайстве отказал, отметив: из медицинских документов следует, что после конфликта на лестничной клетке состояние Коньковой стало ухудшаться.

12 декабря 2017 года, через два месяца после стычки с оперативником Корегиным в дверях, инвалид оказалась вовлечена в новый конфликт с силовиками.

Потерпевшая

Согласно документам, предоставленным «Медиазоне» адвокатом, следователь Разумов, который вел дело о нападении на Корегина, поручил оперативникам доставить Конькову на допрос II

декабря — по версии силовиков, женщина не реагировала на повестки. Впрочем, в тот день допрос не состоялся; по словам самой Коньковой, лишь вечером она нашла в почтовом ящике повестку на 12 декабря — она говорит, что это был первый вызов, который она получила.

События 12 декабря Конькова излагает так: утром она отправилась в Дзержинский следственнный отдел СК на допрос к Разумову. По пути ее окликнул незнакомый молодой человек, который предложил ей проследовать за ним; женщина испугалась и решила укрыться в магазине «Центр 7», следом за ней в магазин зашли незнакомец и двое патрульных.

Молодой человек оказался оперативником Алексеем Большаковым, который действовал по поручению следователя Разумова. Конькова вспоминала, что из магазина позвонила в полицию, рассказала о преследовании и попросила прислать наряд.

Большаков отказался разговаривать с «Медиазоной», но следователю в рамках проверки он рассказал, что, как только перед Коньковой в магазине оказались трое полицейских в форме, она опустилась на пол и стала сопротивляться патрульным, которые пытались усадить ее в машину и отвезти к следователю. Конькова утверждает, что из-за болезни от внезапных прикосновений у нее «начинается какой-то приступ».

«Мои движения сковываются, я не могу двигаться и говорить, у меня немеют руки и ноги, я падаю на пол, но при этом все слышу и понимаю. В этот раз все произошло так же», — объясняла она.

Видео на YouTube

YouTube

задержание

@dima shvets

https://www.youtube.com/watch?v=q5mJ2jjgH-s&list=UUp5PLZ3hlaXluAI208AJ9_w&

Как рассказывала Конькова, очнулась она уже в полицейской машине. Воспоминания о поездке у женщины остались смутные.

«Пока мы ехали, я периодически сваливалась, по-моему, с сиденья. Кто-то бил меня то ли коленом, то ли рукой в область правого бока, чтобы я не падала», — говорится в ее показаниях. По воспоминаниям Коньковой, во время поездки несколько раз ее пуховик сползал на лицо; кто-то поправлял куртку и бил женщину ладонью, несколько раз она теряла сознание.

Машина приехала к следственному отделу, и Конькова вспоминает, что услышала: «Я — следователь Разумов. Хватит притворяться, пошли на допрос». Женщина не вставала, ей вызвали скорую помощь и перенесли в автомобиль к медикам, там ее раздели до пояса.

«Далее кто-то достал нашатырный спирт, нанес его на вату и стал отжимать его мне, как бы вливая нашатырный спирт мне в рот и в нос, впоследствии у меня были обожжены губы и сильно заболели зубы, так как у меня пародонтоз, также кто-то стал

наносить мне удары по скулам лица наотмашь», — говорила Конькова следователю. Один раз кто-то сильно надавил ей на грудь, она закричала от боли.

Сколько это продолжалось, Конькова не помнит. В какой-то момент к машине скорой приехали ее дочери, женщину отвели в следственный отдел на допрос, потом — к медикам, которые зафиксировали 17 кровоподтеков.

После этого Конькова подала сразу два заявления: об избиениях 14 сентября и 12 декабря 2017 года. Проверку по первому заявлению проводил тот же следователь Разумов; в возбуждении дела он отказал.

«Гематомы мягких тканей врачем лечебного учреждения детально не описаны, поэтому ответить на вопрос о давности их возникновения <...> не представляется возможным», — говорится в отказном постановлении.

Проверку второго заявления поручили следователю Брантовой из Кировского следственного отдела. Она тоже отказывалась возбуждать уголовное дело; адвокат Зубков говорит, что следователь вынесла два или три постановления об отказе, но 9 октября 2018 года ее коллега Крикун все-таки возбудил дело о превышении должностных полномочий с применением насилия (пункт «а» части 3 статьи 286 УК) в отношении неустановленных лиц, хотя в ходе проверки стали известны имена сотрудников, которые доставляли инвалида в отдел — это были оперативник Большаков и патрульные Кесарев и Валяев.

Отвечая на вопрос, почему СК возбудил уголовное дело почти через год после происшествия, адвокат Зубков говорит: «Потому что жалобы писали». Показания врачей скорой помощи и других свидетелей происшествия защите неизвестны.

Через три дня после возбуждения дела, 12 октября 2018 года, Дзержинский районный суд Ярославля признал Конькову виновной в нападении на полицейского и назначил ей штраф в 20 тысяч рублей.

Так в течение трех дней инвалид второй группы, ограниченная в движении, была одновременно обвиняемой в нападении на полицейского и потерпевшей по делу об избиении полицейскими.

Конькова говорит, что с тех пор отношения с дочерьми у нее испортились — они считают, что мать напрасно конфликтовала с полицейскими. Младшая дочь Коньковой отказалась говорить с «Медиазоной», а со старшей связаться не удалось.

External embed

https://www.facebook.com/vladimir.zubkov.5/posts/2071987672920310

Редактор: Дмитрий Ткачев